

А. М. Щербак

О ПРИЧИНАХ СТРУКТУРНО-ФОНЕТИЧЕСКИХ
РАСХОЖДЕНИЙ В ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ
ЛЕКСИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ

Структурно-фонетические расхождения в тюрко-монгольских лексических параллелях давно привлекают к себе внимание и тюркологов и монголистов и являются одной из основных тем традиционных споров о характере связей между тюркскими и монгольскими языками.

Эти расхождения заключаются в наличии в монгольском письменном языке "дополнительного" гласного (ср. др.-тюрк. *ab* 'охота', *är* 'мужчина', *ärk* 'сила', *bärk* 'крепкий', *boz* 'серый', *qoç* 'баран'; монг.п. *aba*, *ere*, *erke*, *berke*, *boru*, *хйца*), "дополнительного" сочетания гласного с согласным (например: др.-тюрк. *küç* 'сила', *baj* 'богатый'; монг.п. *küçün*, *байан*) или же сочетания нескольких гласных и согласных (ср. др.-тюрк. *qozï* 'ягненок'; *qil* 'волос', 'щетина'; *täbä* 'верблюды'; *ant* 'клятва'; монг.п. *Хураган*, *kilyasun*, *temegen*, *андагар*).

Из всех приведенных типов расхождений наибольший интерес представляет первый, так как все другие могут иметь морфологическую природу. Так, в *Хураган*, *temegen* выделяется некий аффикс *-γан~-gen*, характерный для группы слов-наименований домашних животных. Слово *kilyasun*, очевидно, включает в себя два морфологических элемента, из которых первый является таковым только в пределах тюркских языков (**qil-aq*, ср. чуваш. *χelēχ* 'конский волос').

По вопросу о причине расхождений первого типа, т.е. тех, которые заключаются в наличии в монгольском письменном языке "дополнительного" гласного, существуют разные мнения.

Точка зрения Г. Рамстедта, Б. Я. Владимирцова, Н. Н. Поппе и ряда других алтаистов такова, что монгольские формы древнее тюркских, и что те и другие развились из единых тюрко-монгольских праформ с конечным гласным [19, 152-156; 1, 323-324; 9, 422-424; 13, 32-33; 17, 224-225; 18, 23-25], например: др.-тюрк. *kök*, монг.п. *köke* 'голубой' (<**köke*); др.-тюрк. *ab*, монг.п. *aba* 'охота' (<**aba*). В монгольском языке и затем в монгольском письменном языке тюрко-монгольские праформы не претерпели существенных изменений, тогда как в тюркском языке был утрачен конечный гласный, и эта утрата, согласно гипотезе, выдвинутой К. Г. Менгесом, вызвала удлинение первого гласного: *kök*, *ab* и т.д. [16, 19].

Иной точки зрения придерживался В. Котвич: тюркские формы (без конечного гласного) — древнейшие, монгольские (с "дополнительным" гласным) — более поздние [15, 19]. Появление "дополнительного" гласного в монгольских формах объясняется В. Котвичем как следствие структурно-фонетической адаптации тюркских заимствований.

Третья точка зрения была высказана Г. Дёрфером [14, 14-21]. Последний различает в тюрко-монгольских параллелях рассматриваемого типа три случая: 1) когда тюркские слова оканчиваются двумя согласными или *ç* (др.-тюрк. *qilinç* 'грех', 'проступок'; *ürk-* 'пугаться', *ärk* 'сила', *bärk* 'крепкий', *saç-* 'рассеивать', 'рассыпать'); 2) когда в конце тюркских слов выступает какой-либо шумный согласный, кроме *ç* (др.-тюрк. *kök* 'голубой'; *sağ-* 'доить'; *jad* 'камень, вызывающий дождь'; *bölük* 'часть', 'подразделение', *çaq* 'время'); 3) когда в монгольских параллелях "дополнительный" гласный следует за сонантом (монг.п. *ere* 'мужчина', *јете* 'пададь', *qoni-* 'ночевать').

В первом случае, по мнению Г. Дерффера, есть достаточные основания говорить о том, что "дополнительный" гласный появился в монгольском письменном языке при заимствовании тюркских слов, так как сочетание двух согласных и согласный *с* в конце слова не были ему свойственны (ср. монг. п. *kilinče, ürgü-, erke, berke*). Что же касается второго и третьего случая, то здесь, как полагает Г. Дёрффер, нельзя сослаться на своеобразие структурно-фонетических особенностей: в монгольском письменном языке конечным тюркским *q, t* и *p* соответствуют *g(q), d(t)* и *b(p)*, и для этого языка в конечной позиции вполне допустимы сонанты. Учитывая данное обстоятельство, он приходит к выводу, что в словах, подобных *kōke, ajaḡa, ere*, конечный гласный является не "дополнительным", а исконным, и что именно в этом фонетическом облике они были заимствованы монголами у древних тюрков.

1. Постулируемая Г. Рамстедтом первичность конечных гласных в монгольских языках и утрата их в тюркских требует серьезного обоснования. Прежде чем говорить об утрате конечных гласных, необходимо доказать, что корни с открытым типом слога в древнетюркском языке отсутствовали. Имеется большое количество тюрко-монгольских параллелей, в которых и тюркские и монгольские слова оканчиваются гласными, ср.:

др.-тюрк.

МОНГ.П.

<i>asra-</i>	‘воспитывать’, ‘заботиться’	<i>asara-</i>
<i>elci</i>	‘посол’	<i>elci</i>
<i>emci</i>	‘врач’, ‘лекарь’	<i>emci</i>
<i>erta</i>	‘рано’	<i>erte</i>
<i>belgü</i>	‘признак’	<i>belge</i>
<i>buḡra</i>	‘верблюд-производитель’	<i>buḡura</i>
<i>buqa</i>	‘бык’, ‘бугай’	<i>buḡa</i>
<i>jaḡi</i>	‘новый’	<i>ḡanggi</i> ‘новость’
<i>jasa-</i>	‘устраивать’, ‘делать’	<i>ḡasa-</i>
<i>jula</i>	‘факел’	<i>jula</i>

<i>jida</i>	‘копье’	<i>jida</i>
<i>qabirya</i>	‘ребро’	<i>χ abirya</i>
<i>qana-</i>	‘кровоточить’	<i>χana-</i> ‘пускать кровь’
<i>qara</i>	‘черный’	<i>χ ara</i>
<i>qiray</i>	‘иней’	<i>kiray</i>
<i>küsä-</i>	‘желать’	<i>küse-</i>
<i>küçlä-</i>	‘совершать насилие’	<i>küçüle-</i>
<i>maqta-</i>	‘хвалить’	<i>maçta-</i>
<i>olja</i>	‘добыча’	<i>olja</i>
<i>sana-</i>	‘считать’	<i>sana-</i> ‘думать’
<i>sora-</i>	‘спрашивать’	<i>sura-</i>
<i>tabilyu</i>	‘таволожник’	<i>tabilju</i>
<i>tamya</i>	‘печать’, ‘тавро’	<i>tamaya</i>
<i>tani-</i>	‘узнавать’	<i>tani-</i>
<i>iñla-</i>	‘слушать’	<i>çingna-</i>
<i>tala-</i>	‘грабить’	<i>tala-</i>
<i>täbdä</i>	‘верблюды’	<i>temegen</i>
<i>torya</i>	‘шелк’	<i>torya</i>
<i>törü</i>	‘закон’	<i>törü</i>
<i>tusu</i>	‘польза’, ‘выгода’	<i>tusa</i>

Кроме того, можно было бы привести тюркские слова с гласным в исходе, не имеющие параллелей в монгольских языках. Кажется естественным, что утрата конечных гласных в пределах значительной группы слов не может быть избирательной или спорадической. Чем же объяснить тогда наличие в древнетюркском языке большого количества слов, оканчивающихся гласным? Н.Н. Поппе предложил считать все тюркские корневые слова с открытым вторым слогом древними заимствованиями из монгольских языков [9, 423]. В самом деле, некоторые из подобных слов – весьма вероятные или явные монголизмы, например: *jida* ‘копье’, *maqta-* ‘хвалить’, *olja* ‘добыча’. Однако абсолютное большинство их, даже с точки зрения ортодоксальных алтаистов, собственно тюркские слова или слова, относимые к общему тюрко-монгольскому лексическому фонду.

II. Предположение В. Котвича о появлении дополнительных гласных на монгольской почве, в ходе структурно-фонетического освоения слов, заимствованных из тюркских языков, имеет солидную основу в виде различных фактов, наблюдаемых как в монгольском письменном языке, так и в других монгольских языках.

Хорошо известно, что монгольский письменный язык избегал сочетаний любых согласных в конце слова и сочетаний некоторых согласных в середине. Есть основания говорить также о нетипичности для ауслота всех монгольских языков или части их, на определенном этапе развития, ряда согласных. Трудно, например, допустить, чтобы монгольское письменное *kömüldürge* 'нагрудный ремень у лошади', являющееся бесспорным заимствованием из тюркских языков, воспроизводило структурно-фонетический облик тюркской праформы, ср. др.-тюрк. *kömüldürük* (*kömül* ~ *köpül* 'грудь'). В древнетюркском языке обнаруживается более десяти слов, включающих в себя аффикс *-duruq* ~ *-dürük*, и все они были образованы довольно поздно, о чем говорит прозрачность этимологии данного аффикса и единообразие выражаемых им значений.

В пользу предположения В. Котвича свидетельствует и такой факт, как наличие закона, устанавливающего позиционные ограничения для согласных в дунсянском языке: преобладают открытые слоги, а в конце закрытых слогов выступают преимущественно *ŋ* и *n* [11, 18]. Кстати, нечто подобное зафиксировано в дагурском языке, в котором многие слова, оканчивающиеся в других монгольских языках согласными, имеют на конце гласный [8, 116].

Наконец, нельзя оставить без внимания тенденцию к предпочтительному употреблению открытых слогов в пределах всего сибирско-дальневосточного ареала. Саларские примеры: *taši* 'внешний', *iši* 'внутренний', *pile* 'этот год', *qizili* 'красный', *ili* 'передний' [10, 17] и хотонские: *ata* 'лошадь', *beši* 'пять', *biri* 'один', *butū* 'нога', *gözä* 'глаз',

ečiġe 'коза', *ōzā* 'рот', *otā* 'огонь', *ilī* 'язык', *uju* 'бык', *učiū* 'три' [2, 274-277], независимо от того, рассматриваются ли они как формы "с местоименной притяжательной приставкой для третьего лица, подвергшейся ассимиляции предшествующими гласными основы" [2, 272] или как-нибудь иначе, должны быть связаны с проявлением этой тенденции.

Против предположения В. Котвича выступают сторонники алтайской гипотезы и некоторые противники ее. Основной аргумент тех и других — существование в монгольском письменном языке разных структурных типов слога и, следовательно, отсутствие необходимости в структурных преобразованиях заимствованных слов. По этому поводу заметим, что монгольский письменный язык не исчерпывает многообразия структурных особенностей или, точнее, структурных ограничений, проявившихся в масштабе всех монгольских языков и диалектов, и что в случаях, когда несомненно значительное смешение разных языков или диалектов, необходим особый подход к решению вопроса о точности проявления тех или иных фонетических или структурно-фонетических закономерностей. Когда мы встречаем в языке желтых уйгуров *qaza* 'гусь', *saqa* 'осторожный', наряду с *kök* 'голубой', *qiz* 'девочка' [6, 49, 62, 71, 98], то это, как правило, не создает трудных ситуаций и не приводит к пересмотру традиционных взглядов на первоначальный структурный облик слов *qaz* и *saq*.

III. Гипотеза Г. Дёрфера об изначальности конечных гласных в монгольских словах типа *köke* 'голубой', *ajaja* 'чаша', *ere* 'мужчина', которые он считает заимствованиями из тюркских языков, заслуживает самого серьезного внимания и, несомненно, поиски в этом направлении должны быть продолжены.

Все же реконструкция тюркских праформ **köke*, **ajaja*, **ere* и т.д. сопряжена с большими трудностями. Так, ни современные, ни древние тюркские языки не дают никаких фактов, которые бы позволяли говорить об утрате в тюркских языках конечных гласных. Более того, как справедливо указывалось

некоторыми тюркологами, в тюркских языках на протяжении всего исторического периода их развития происходило чаще наращение гласных, чем их выпадение [4, 337]. Одним из источников образования "распространенных" форм являлось присоединение гласных к так называемым синкретичным глагольно-именным корням; ср. тур. *an* 'сознание', 'мысль' и 'понимать'; тат. *aŋ* 'сознание', *aŋla-* 'понимать'; азерб. *dad* 'вкус' и 'пробовать', 'вкусать'; башк. *tat* 'сладость', 'вкус'; *tati* 'пробовать', 'вкусать'. Другой источник — употребление формы принадлежности 3-го лица, образуемой присоединением гласного, безотносительно к обычно передаваемому ей значению, ср.: долган. *munnu* 'нос', *tördü* 'корень' [12, 291]; гаг. *bojnu* 'шея', *burnu* 'нос', *annü* 'лоб', *qojnu* 'грудь', *qutusu* 'коробка' [3, 5; 7, 117]; туркм. *bejni* 'мозг'; хак. *išti* 'живот'; *iŋni* 'плечо'; *aχsi* 'рот'; шор. *erdi* 'губа', *qardı* 'желудок', *purdu* 'нос', *mojdu* 'шея', *išti* 'живот' [5, 125-126].

Г. Дёрфер не без оснований заявляет, что если монгольские языки допускали в конце слова *r*, *m*, *n*, то почему необходимо было к словам, подобным *är* 'мужчина', *jem* 'пища', *küzän* 'хорек', при заимствовании их из тюркских языков, добавлять гласный: *ere*, *ĵeme*, *kürene* [5, 18-20]. Действительно, в монгольском письменном языке согласные *r*, *m*, *n*, *l* часто закрывают слог и, таким образом, вполне обычны для конечной позиции. Вместе с тем совершенно очевидно, что если в тюркских языках следы каких-либо ограничений структурных типов слога, предполагающих предпочтительность гласных в исходе, отсутствуют, то в монгольских языках они налицо, и употребление в них "дополнительного" гласного в словах, имевших тюркские параллели, воспринимается как своего рода закономерность, ср.:

др.-тюрк.

МОНГ.-П.

1) <i>jalavač</i>	'посол'	<i>jalavači</i>	имя собств.
<i>kānč</i>	'ребенок'	<i>kenje</i>	
<i>qilinč</i>	'поступок'	<i>kilinče</i>	'проступок', 'греховное деяние'

<i>qoç</i>	‘баран’	<i>χιῤα</i>	
<i>sac̣</i>	‘разбрасывать’	<i>saçu-</i>	
	‘рассеивать’		
2) <i>ärk</i>	‘сила, власть’	<i>erke</i>	
<i>barq</i>	‘сооружение’	<i>baraŷa</i>	‘имущество’
<i>bärk</i>	‘крепкий’	<i>bërke</i>	
<i>irq</i>	‘знак’, ‘предзна- менованье’	<i>iruŷa</i>	
<i>kürt-</i>	‘делать зарубку’	<i>kerçä-</i>	
<i>qırq-</i>	‘стричь’	<i>kirŷa-</i>	
<i>mäj</i>	‘родинка’	<i>menŷge</i>	
<i>öŷ</i>	‘цвет’, ‘перёд’	<i>önŷge</i>	
	‘лицо’		
<i>siŷ-</i>	‘впитывать’	<i>siŷge-</i>	
<i>ürk-</i>	‘бояться’,	<i>ürgü-</i>	
	‘пугаться’		
3) <i>asra-</i>	‘воспитывать’,	<i>asara-</i>	
	‘заботиться’		
<i>butra-</i>	‘расходиться’,	<i>butara-</i>	
	‘рассеиваться’		
<i>buŷra</i>	‘верблюд-произ- водитель’	<i>buŷura</i>	
<i>köprük</i>	‘мост’	<i>kögürge</i>	
<i>küçlä-</i>	‘совершать на- силые’	<i>küçüle-</i>	
<i>titrä-</i>	‘дрожать’	<i>çiçire-</i>	
4) <i>ab</i>	‘охота’	<i>aba</i>	
<i>ajaq</i>	‘чаша’	<i>ajaŷa</i>	
<i>boz</i>	‘серый’	<i>boru</i>	
<i>jüräk</i>	‘сердце’	<i>jürüke</i>	
<i>kez-</i>	‘бродить’,	<i>kesü- (kerü-)</i>	
	‘странствовать’		
<i>kök</i>	‘голубой’	<i>köke</i>	
<i>kömüldürük</i>	‘нагрудный ре- мень (у лошади)’	<i>kömüldürge</i>	

<i>saγ-</i>	‘доить’	<i>saγa-</i>
<i>saq-</i>	‘охранять’,	<i>saki-</i>
	‘стеречь’	
<i>sāz-</i>	‘чувствовать’,	<i>sere-</i>
	‘ощущать’	
<i>uq-</i>	‘понимать’	<i>uqa-</i>
<i>ulaγ</i>	‘вьючное живот	<i>ulaγa</i>
	ное’, ‘почтовый	
	транспорт’	
5) <i>är</i>	‘мужчина’	<i>ere</i>
<i>qan-</i>	‘наслаждаться’,	<i>qanu-</i>
	‘удовлетворяться’	
<i>qon</i>	‘ночевать’	<i>qonu-</i>
<i>son-</i>	‘гаснуть’	<i>sönü-</i>
<i>tün</i>	‘ночь’	<i>tüne</i> ‘темный’
<i>ul</i>	‘основание’,	<i>ula</i>
	‘ подошва’	

В заключение следует отметить, что поскольку относительно параллелей, входящих в первую, вторую и третью группу, Г. Дёрфер придерживается, в общем, той же точки зрения, что и В. Котвич, линия расхождений его с последним не столь непреодолима, как это может показаться на первый взгляд. Она в значительной мере уменьшится, если будет доказано, что "дополнительные" гласные в составе некоторых параллелей четвертой и пятой групп имеют морфологическую природу, ср. *ajaγa(n)*, *jiṛüke(n)*, *kötmüldürge(n)*, *tüne(n)*, *ulaγa(n)*.

Л и т е р а т у р а

1. Владимирцов Б.Я., Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика, Л., 1929.
2. Владимирцов Б.Я., Самойлович А.Н., Турецкий народец хотоны, — ЗВОРАО, XXIII, Пг., 1916.

3. Дмитриев Н.К., Гагаузские этюды, — «Ученые записки ЛГУ», № 20, Серия филол. наук, I, 1939.
4. Зайончковский А., К вопросу о структуре корня в тюркских языках, — ВЯ, М., 1961, № 2.
5. Исхаков Ф.Г., Некоторые предположения о происхождении конечных *т* и *д* в словах *аст*, *уст*, *алд*, *арт* и т.п., — «Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятилетию», М., 1953.
6. Малов С.Е., Язык желтых уйгуров, Алма-Ата, 1957.
7. Покровский Л.А., Гагаузский язык, — «Языки народов СССР», II, М., 1966.
8. Поппе Н.Н., Дагурское наречие, — «Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР», вып. 6, Л., 1930.
9. Поппе Н.Н., Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецкому языкам, — ИРАН, т. VI, серия XIX, вып. 9-11, Л., 1925.
10. Тенишев Э.Р., Саларский язык, М., 1963.
11. Тодаева Б.Х., Дунсянский язык, М., 1961.
12. Убрятова Е.М., Служебное слово *киэнэ* в якутском языке, — «Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятилетию», М., 1953.
13. Bang W., Manichäische Erzähler, — «Muséon», XLIV, Louvain, 1931.
14. Doerfer G., Zwei wichtige Probleme der Altaistik, — JSFOu, vol. 69, Helsinki, 1968.
15. Kotwicz W., Studia nad językami altajskimi, — RO, Tom XVI (1950), Kraków, 1953.
16. Menges K., Einige Bemerkungen zur vergleichenden Grammatik des Türkmenischen, — AO, t. XI, fasc. 1, Praha, 1939.
17. Murayama S., Einige Formen der Stammverkürzung in den altaischen Sprachen, — «Oriens», XI, 1-2, Leiden, 1958.

18. Posch U., Die altaische Sprachverwandtschaft, — «Theorie oder Hypothese?», — HOr, vol. I, Abt. V, Abschnitt-Mongolistik, Leiden-Köln, 1964.
19. Ramstedt G., Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, Bd I, Lautlehre, Helsinki, 1957.

Библиографические сокращения

- ВЯ — журн. «Вопросы языкознания»
- ЗВОРАО — «Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества».
- ИРАН — «Известия Российской Академии наук».
- АО — «Acta orientalia».
- HOr — «Handbuch der Orientalistik».
- JSFOu — «Journal de la Société Finno-ougrienne».
- RO — «Rocznik Orientalistyczny».

Условные сокращения названий языков

- азерб. — азербайджанский
- башк. — башкирский
- гаг. — гагузский
- др.-тюрк. — древнетюркский
- монг. п. — монгольский письменный
- тат. — татарский
- тур. — турецкий
- туркм. — туркменский
- хак. — хакасский
- чуваш. — чувашский
- шор. — шорский